

УДК 81'37 (=161.1)

МЕТАЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЯДОВЫХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

Л. Х. Сарамотина

RUSSIAN NATIVE SPEAKERS' METALANGUAGE ACTIVITY WHILE INTERPRETING AN ENGLISH TEXT

L. Ch. Saramotina

В статье анализируется метаязыковая деятельность рядовых носителей русского языка при интерпретации англоязычного текста. Выделяются три типа метатекстов, характеризующих их авторов как языковую личность.

The article deals with the Russian native speakers' metalanguage activity while interpreting an English text. Three types of metatexts, which characterize their authors as linguistic personalities, are pointed out.

Ключевые слова: метаязыковая деятельность, интерпретация, метатекст, интерпретируемый текст, интерпретирующийся текст, языковая личность.

Keywords: metalanguage activity, interpretation, metatext, the interpreting text, the interpreted text, language personality.

Метаязыковая деятельность может осуществляться не только при создании, но и при интерпретации текстов. Понятие «интерпретация» является центральным для теории интерпретации и интерпретационной лингвистики, находящейся в стадии становления (В. З. Демьянков, И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер, В. Е. Чернявская, Н. Д. Голев, Л. Г. Ким, Н. В. Мельник, Н. Н. Шпильная и др.). Под интерпретацией понимается когнитивная деятельность, «сущность которой заключается в смыслоосчитывании, или распредмечивании, т. е. процессе, при котором содержание (смысл) языкового выражения (предмета) становится достоянием субъекта-интерпретатора, и смыслопостроении, или опредмечивании, т. е. процессе, при котором содержание (воспринимаемый смысл) получает языковое воплощение» [6, с. 52]. Текст (языковое выражение) рассматривается как система, которая обладает признаком целостности и проявляет свои свойства во взаимодействии со средой. Роль среды, как представляется, в нашем случае в большей или меньшей степени играют языковой опыт и внутренний контекст. Понятие «внутреннего контекста» (А. А. Залевская) охватывает разные виды деятельности человека, протекающие при постоянном взаимодействии многочисленных аспектов его психической жизни как активного и пристрастного субъекта.

Англоязычный текст рассматривается как интерпретируемый текст, на основе которого в процессе интерпретации создаются интерпретирующие тексты, реализующие его смысловой потенциал. «Смыслы точно также не даны в готовом виде, как и одеяние для них; форма складывающегося высказывания не безразлична и не может быть безразличной для мысли; ... раз возникнув или возникшая, языковая форма сама может служить источником новых значений и новых смыслов [7, с. 51].

Интерпретирующие тексты являются вторичными текстами, в основе которых заложен субъективный момент. По утверждению Н. В. Мельник, «при восприятии текста происходит его свертывание в некий «смысловый сгусток» (инвариант), который при репродукции развертывается в новую текстовую форму

(варианты) [9, с. 15]. «Вариант» текста отражает субъективный мир автора, его личный жизненный опыт.

Интерпретирующий текст может представлять собой метатекст как «материализованное в высказывании суждение о своем языке» [10, с. 55]. Тип метатекста характеризует его автора как языковую личность. Языковая личность – «индивидуум... со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; представитель данной языковой общности; и представитель рода человеческого, неотъемлемым свойством которого является использование естественного языка» [5, с. 671]. Для определения типа языковой личности, кроме экспериментального метода, применялся прием наблюдения за речевым поведением испытуемых в учебном процессе. Полученные данные анализировались с учетом результатов проведенного ранее семиологического эксперимента по выявлению особенностей обыденной семантизации незнакомых иноязычных сложных слов.

Мы предположили, что существует возможность соотнесения полученных в результате эксперимента данных о метаязыковой деятельности рядовых носителей русского языка при интерпретации англоязычного текста с результатами исследования обыденной семантизации незнакомых иноязычных сложных слов в той его части, где речь идет о разновидностях метатекстов [11]. Основанием для соотнесения, с одной стороны, является признание необходимости употребления термина *языковая личность* для обозначения «исходного качества языковой способности, коррелирующего с психологическим понятием «когнитивный стиль» [2, с. 12]. Последний представляет собой индивидуальный стиль познавательной деятельности человека. «Разнообразие стилей (когнитивных, речевых) в целом и каждый стиль в отдельности есть фундаментальная лингводидактическая ценность, которую желательно не просто учитывать на периферии учебной деятельности, но класть в основание развития языковой личности...» [2, с. 12]. С другой стороны, и в том, и в другом случае участники эксперимента – студенты юридического факультета 1 – 2 курсов,

составляющие однородную социально-возрастную группу и являющиеся носителями молодежной культуры. Им по большей части свойственна демонстрация «непохожести» на других, проявляющаяся в творческом отношении к языку. Их «профессиональное» сознание еще только начинает формироваться, а представления о профессиональных ориентирах остаются в поле обыденного сознания. Задача, стоявшая перед ними, была похожей. В первом эксперименте испытуемым предстояло совершить операцию логического выведения смысла сложного слова, опираясь на знакомые компоненты, – инференцию (Е. С. Кубрякова), и процесс осознания слова часто сопровождался его интерпретацией, проявляющей особенности испытуемого как языковой личности. Эксперимент, результаты которого анализируются в данной статье, представляет собой клоуз-тест, являющийся формально-смысловой процедурой достраивания текста. Достраивание респондентами текста также сопровождалось его интерпретацией. Материалом для эксперимента послужил следующий текст:

The violent criminal has become a----. He is shown on the screen, he is pursued by the press. Newspapers which specialize in crime-reporting enjoy enormous circulations and publishers of trashy cops or "murder mysteries" have never had it so good / Жестокий преступник стал.... Он – на экране, о нем пишут газеты и журналы. Газеты, которые пишут о преступлениях, выходят большими тиражами и те, кто пишут о продажных полицейских и таинственных убийствах», никогда еще не пользовались таким успехом.

Текст носит «нейтральный» характер: отношение к человеку (*violent criminal* / жестокий преступник) не выражено явным образом, а информация, заложенная в тексте, отражает только «количественный» аспект явления.

Испытуемые (студенты 1 – 2 курсов юридического факультета КемГУ, всего 28 человек) получили следующую инструкцию: «Прочитайте внимательно текст и заполните пропуск. Это может быть одно слово или фраза. Если считаете нужным, измените предложение. Объясните свой вариант». Задание можно было выполнить на английском или русском языках. Свобода выбора обусловлена универсальным характером мыслительных механизмов. Уровень владения языком у испытуемых – средний или высокий: для того, чтобы заполнить пропуск, нужно было понять текст.

Результаты исследования позволяют выделить следующие разновидности метатекстов по степени развертывания метаязыковой деятельности (в приведенных примерах сохраняется орфография и пунктуация авторов текстов, выделения сделаны нами для демонстрации индивидуальных особенностей интерпретации).

I. Формальный метатекст, характеризующийся иррациональностью. Иррациональность, нелогичность, бессмысленность, ирония (последняя присутствует в первом суждении), – в поле обыденного сознания, где под обыденным сознанием понимается практическое сознание людей, выходящее за рамки любой профессиональной области и являющееся основной повседневной познавательной деятельностью:

1. *The violent criminal has become a friendly citizen after his arrest (жестокий преступник стал дружеским гражданином после того, как его задержали. Чтобы произвести хорошее впечатление, члены жюри вынесли мягкий приговор).*

2. *Он показан на экране, он преследует прессу.*

3. *Он показал на экране, он преследовал прессу.*

4. *Сильные преступления начинаются в уголовных делах. Оно начинается на проверке политической благонадежности. Он исполняется в прессе.*

Формальные метатексты, создаваемые испытуемыми в процессе обыденной семантизации незнакомых иноязычных сложных слов, представляли собой похожий «продукт» интерпретации языковой действительности, которому были также свойственны отсутствие смысла и нелогичность (*Self-incriminator если он самоинкриминатор, ему будет легче соблюдать закон; если он инкриминировал преступление в свою пользу, то это ему с рук не сойдет*).

Тип языковой личности автора формального метатекста – «человек играющий». Механизм игры, определяющий ее творческий характер, – «вероятностно-игровое начало, допускающее свободу действия в пределах правил» [3, с. 12]. Нереальность, абсурдность ситуации – один из возможных вариантов интерпретации с включением игрового подхода. В связи с этим интересно следующее высказывание Б. М. Гаспарова: «Процесс языкового существования представляется мне игрой бесчисленного множества разнородных и разнонаправленных факторов – открытым полем, в котором нет ни раз и навсегда определенных действий, ни полностью предсказуемых эффектов, вытекающих из этих действий» [1, с. 12].

II. Копирующий метатекст, в котором воспроизведено основное содержание исходного текста, а в качестве пропуска нередко приводится слово из того же «источника»:

1. *Жестокий преступник стал популярным, потому что он часто показывается на экранах и в прессе.*

2. *Topic for crime-reporting, shown on the screen, pursued by the press / тема для репортажа, показываемая на экране, часто обсуждаемая прессой. Потому что для привлечения зрителей и читателей, все равно будут что-то публиковать такое, что всегда привлечет внимание, а жестокость всегда привлекала внимание.*

3. *Насильственные преступления стали широко освещаться в СМИ. Газеты, специализирующиеся на криминальные темы, чаще всего издаются и публикуют о преступлениях или загадочных убийствах.*

4. *Serious crimes are subject to news. Серьезные преступления транслируются по экранам телевизоров, печатаются в газетах, поэтому они являются предметом новостей.*

5. *The violent criminal has become a frequent phenomenon / ...частым явлением. СМИ постоянно описывают, рассказывают о разных видах преступлений, и иногда (даже в большинстве случаев) выводят статистику.*

6. *Жестокий преступник пользуется большой популярностью у прессы.*

7. Популярный. Оскверняющие преступления становятся популярными, потому что о них написано в газетах, т. е. это выносятся на всеобщее обозрение.

8. Жестокие преступления становятся темой для СМИ, пропаганда насилия по телевидению.

9. Преступник с отклонениями, маньяк. Его показывают по телевизору, о нем говорят в прессе.

Отличительный признак таких метатекстов – отсутствие оценки и сохранение нейтральной интонации. «Метаязыковую» роль выполняют союзные элементы с пояснительным значением *потому что*, *поэтому*, такие фразы, как *все равно будут*, *иногда* (даже в большинстве случаев).

При семантизации композитов также часто происходило копирование формы слова или части слова. Однако «палитра» опорных элементов была разнообразной: в качестве опоры могли выступать части слова (английского и русского), звуки, буквы, слоги: *shoplifter лифтер в магазине*; *housebreaker хорошо танцует*; *rickrocket открывашка* (в объяснении респондента «чпок – и крышка открывается») и т. д.

Тип языковой личности авторов копирующих метатекстов – «копиальный» (Н. Д. Голев). Он отличается стандартностью в организации и построении текстов и ориентирован на воспроизведение исходного текста.

III. Креативный метатекст, содержащий «скрытые смыслы», оценку или эмоциональную реакцию на содержание интерпретируемого текста. Следует отметить, что оценка явления (рассказы о жестоких убийствах) не является однозначной. В большинстве суждений выражается негативное отношение к этому явлению:

1. Часто проявляется в нашем обществе. По телевизору все чаще замечаю совершение жестоких преступлений. В газетах часто пишут о таинственных убийствах и *т. н. грязь* в нашем обществе.

2. Popular theme for different kinds of literature stories, press and TV. Posts and articles about this criminal and they call him “the Greatest Mysterious criminal” and his crimes – “the big mystery of violent” or...1) violent criminal – the “good” and interesting story for channels and newspapers, 2) There are always some *stupid and trashy newspapers* calling “yellow press” Популярная тема для книг, прессы и телевидения. ...И они зовут его Величайший Таинственный преступник а его преступления – «большая тайна насилия или... 1) жестокий преступник – «хорошая» и интересная история для телевизионных каналов и газет» 2) всегда есть тупые и ужасные газеты, которые называются «желтая пресса». 3. very *dangerous and become more often nowadays. Offenders become violent and angry. The situation is terrible* / очень опасны и встречаются все чаще сегодня. Правонарушители становятся жестокими и злыми. Ситуация ужасная. 4. *The violent criminal has become a danger* / опасность. Потому нельзя знать что можно от них ожидать. Они могут причинить вред здоровью людей и даже совершить убийство. Таких людей не пугает наказание за совершенное преступление, поэтому они могут повторяться. В утренних сообщениях могут сообщать о таких преступлениях и как идет их расследование. 5. Жестокий человек становится широко

известным человеком в обществе. Возможно, если он скрывается, то *нужно помочь органам следствия* найти и наказать его *по той строгости закона*, которая соответствует вине преступника с помощью граждан. Если же не скрывается, найден, пойман, ему назначено соответствующее наказание, то *придают огласке* это событие, чтобы показать, что бывает с теми, кто совершает *подобного рода деяния*, чтобы *подавить желание* у людей совершать преступления.

Как видим, метатексты этой подгруппы содержат отрицательную оценку данного явления. В первых трех метатекстах отрицательное отношение к жестоким преступлениям передается через оценочную лексику, включенную в интерпретирующие тексты авторами суждений: *пишут о таинственных убийствах и т.н. грязи* (1); *stupid and trashy newspapers* / тупые и скверные газеты (2); *dangerous, terrible* / опасный, ужасный (3). Отметим ироническую интонацию автора второго текста, подчеркнутую заглавными буквами в словах *Greatest Mysterious* и *превосходной степенью прилагательного Greatest* / величайший. Последний интерпретирующий текст включает слова, обладающие юридической значимостью, и является ярким примером формирующегося профессионального сознания: «профессиональное» активно внедряется в обыденное сознание через специальные слова и соответствующую модальность (*нужно помочь органам следствия* найти и наказать его *по той строгости закона*, и т. д.).

Есть другая оценка этому явлению: 1. По новостям часто сообщают о таких преступлениях. Людям нравятся подобные газеты. 2. Стали более популярными у публики. Насильственные преступления стали более жестокими и «востребованными» среди публики, в деятельности СМИ. Людям интересны всевозможные происшествия, и чем необычнее они, тем больше к ним внимания. Возможно это связано с тем, что в обыденной жизни людей не хватает необычных явлений, событий, ярких ощущений. Они ищут их вовне и находят в СМИ – самом легкодоступном источнике информации современных людей. 3. Жестокие преступления становятся интересной темой. Их показывают на экране и печатают в прессе. Потому что людей всегда привлекает жесткость, им интересны загадочные заголовки газет и заставки телепередач с каким-нибудь названием типа «таинственное убийство». Потому что для людей это своего рода детектив в реальном времени.

В последнем тексте словосочетание *жестокие преступления* соотносится со словами *привлекает* и *интересны*. Тем самым формируется положительная оценка этой «интересной» для людей темы. Ощущение, что автор суждения дистанцируется от отношения большинства к жестоким преступлениям как интересной теме и «остается в тени», передается через метаязыковые вкрапления *типа, это своего рода*.

Суждениям «людям нравятся», «людей привлекает жесткость», как представляется, свойственна мифологичность, характеризующая обыденное сознание.

В результате интерпретации исходного текста возможно определение признаков, свойственных явлению «жестокое преступление», заполнение своеоб-

разного фрейма: *The violent criminal has become: 1) very difficult to reveal 2) frequent phenomenon 3) the norm.* / жестокое преступление: 1) трудно раскрыть 2) частое явление 3) норма.

При невыраженности оценки интерпретирующий текст может реализовать некий скрытый смысл, т. е. смысл, не выраженный вербально в исходном тексте, но воспринимаемый адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте показателей» [8, с. 4]:

– характеристика конкретного преступления (реализуемые смыслы «необычность», «несправедливость» соответственно): *1. Жестокое преступление стало известным из-за своей необычности. Потому что оно попало в газеты и телевидение, специализирующееся на мистических преступлениях в криминальных репортажах. 2. Free / свободен. Всплеск интереса прессы вокруг преступника вырос, т. к. «he is shown on the screen, he is pursued by the press», считая, что имел место быть какой-то скандал вокруг данного преступника. Вероятно, несмотря на то, что все улики говорили о виновности данного преступника, его оправдали, вследствие чего данная ситуация и вызвала большой интерес прессы;*

– «публичность»: *Жестокие преступления стали шоу, т. к. их показывают на экранах, за ними охотится пресса. На TV и в газетах популярны статьи о «грязных» копах и загадочных убийствах;*

– «обычность»: *1. The violent criminal has become the norm. Потому что пресса уделяет этому большое внимание. 2. commonplace;*

– «переживания из-за содеянного»: *Насильник становится жертвой, потому что после содеянного не дадут покоя ему мысли о том, что он совершил. Подобная ситуация описана в произведении Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».*

Многие метатексты, созданные испытуемыми при семантизации незнакомых сложных слов, являются креативными: *Wrongdoer – если он ронгдуэр, он пло-*

хой, асоциальный человек, таких тип. в тюрьму, так лечить; Wrongdoer если честно, то мне даже ничего в голову не приходит, как назвать этого человека, но, наверно, это плохой человек, что-то нехорошее; Шоплифтер – осторожен, изворотлив, любитель легкой наживы, возможны психические отклонения например болезнь клептомания. Вор он; Wrongdoer может убивать людей, делать им гадости. Просто может по-хамски разговаривать, оскорблять. Часто пребывает в плохом настроении, очень озлоблен на всех; он без ума от насилия, стремится походить на Гитлера; правонарушитель, государство своим аппаратом принуждения и насилия, в виде органов внутренних дел, накажет его за выход из рамок закона.

Тип языковой личности этой группы респондентов – «креативный». Авторы суждений включают в интерпретирующий текст свои представления о мире, выражают свою точку зрения, используют специальную профессиональную лексику (*по той строгости закона, подобного рода деяния*) или «сложные» фразы, которые похожи на профессиональную лексику (*имел место быть*). Отметим также употребление авторами текстов эвфемизмов, принятых в профессиональной среде (*придают огласке, аппарат принуждения и насилия, выход из рамок закона*) и прецедентных текстов, аллюзий (*«Преступление и наказание», Гитлер*).

Таким образом, предрасположенность к метаязыковой рефлексии составляет индивидуальную способность языковой личности, определяемую психологическими особенностями, языковым опытом, склонностью к самоанализу, ситуацией и другими причинами. Результаты исследования метаязыковой деятельности при интерпретации англоязычного текста подтверждается возможность их соотнесения с экспериментальными данными, полученными в процессе обыденной семантизации носителями русского языка незнакомых иноязычных сложных слов.

Литература

1. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
2. Голев, Н. Д. Лингвоперсонологические основания личностно-ориентированного поведения / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку. – Кемерово, 2009.
3. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Гридина. – М., 1996.
4. Демьянков, В. З. Интерпретация / Д. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков и др.; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996.
5. Караулов, Ю. Н. Языковая личность (словарная статья) / Ю. Н. Караулов // Русский язык. Энциклопедия; гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Дрофа, 1997.
6. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография / Л. Г. Ким. – Томск: Изд-во ТГУ, 2009. – 312 с.
7. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 150 с.
8. Масленникова А. А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А. А. Масленникова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 264 с.
9. Мельник, Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: монография / Н. В. Мельник. – Кемерово, 2010. – 212 с.
10. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. – 194 с.

11. Сарамотина, Л. Х. Обыденная семантизация незнакомых иноязычных композитов носителями русского языка (на материале семасиологического эксперимента): дис. ... канд. филол. наук / Л. Х. Сарамотина. – Кемерово, 2011. – 171 с.

Информация об авторе:

Сарамотина Людмила Христофоровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 8(3842)72-79-85, l.saramotina@yandex.ru.

Saramotina Lyudmila Christoforovna – Candidate of Philology, senior teacher at the Department of Foreign Languages of the Faculty of Roman and Germanic Philology of KemsU.